

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Сквидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, имеется раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин	Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)	3
А. Э. Штекли	Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма	29
Г. С. Кучеренко	Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.)	45
М. Н. Соколова	Сюдр — историк утопического социализма	67
К. Э. Кирова	Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.)	81
К. М. Андерсон	Томас Сквидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?	107
В. В. Карева	«Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона	138
Т. А. Павлова	Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли	145
И. Н. Осинковский	«Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в.	163
Л. С. Чиколини	«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы	190
В. М. Володарский	Социальная утопия Теофраста Парцельса	211
ПУБЛИКАЦИИ		
Е. М. Кожокин	Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в. Вступ. ст., публ. и пер. с фр.	234
В. Д. Балакин	Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. Комментарии	249 267

Томас Скидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

По традиции выборы в Ассамблею штата Нью-Йорк продолжались три дня. Уже к исходу первого дня обнаружилось, что «Партия трудящихся Нью-Йорка» опережает своих соперников. Новость всполошила обитателей уважаемых кварталов. Волнение усилилось, когда следующим утром, 3 ноября 1829 г., они прочли в газетах мрачные предсказания: если верх одержит партия «безбожников и уравнивателей», то имущество добропорядочных граждан будет разграблено, а свобода и демократия поруганы! Припоминали 1821 г., дальновидных людей, которые предостерегали: наделение правом голоса неимущих равносильно гибели священного права собственности. Им не вняли. И вот устоям общества грозит партия, возникшая столь внезапно, что один из газетчиков окрестил ее «партией-выскачкой»¹. Но таким ли неожиданным было появление партии, внесшей сумятицу в политическую жизнь штата? Некогда, в 1788 г., выполняя просьбу двух американцев, отправлявшихся в путешествие по Европе, Томас Джефферсон составил перечень предметов, достойных внимания. Он посоветовал не тратить время на дотошное изучение английских мануфактур, ибо «Америка не сможет стать промышленной страной, по крайней мере при жизни нынешнего поколения»². Совет Джефферсона — это не суждение пессимиста, а скорее мнение человека, слишком хорошо знавшего Британию. Ее экономическое могущество внушало почтение. Отвращение вызывала цена, которой оно оплачивалось: нищета и унижение сотен тысяч людей, непрерывная война богатства и бедности, терзавшая общество.

Наступил XIX век. Предвидение Джефферсона как будто сбывалось. Многие, и американцы и европейцы, искренне полагали, что Соединенные Штаты избегнут участи Англии.

В сентябре 1818 г. в гавань Нью-Йорка вошел пакетбот «Эмити». Среди пассажиров находились две молодые англичанки, сестры Райт, старшей из которых, Фрэнсис, суждено было стать вождем американских рабочих. Город очаровал ее прозрачностью воздуха, не замутненного фабричной копотью, чистотой нравов, не изуродованных социальными бедствиями. Повсюду она видела больший или меньший достаток, а не привычное для Англии сочетание обездоленности и роскоши. Все выглядело идиллически благополучно и восторгало

¹ Myers G. History of Tammany Hall. N. Y., 1917, p. 83.

² Jefferson Th. Anthology. N. Y., 1977, p. 433.

ее³. Дело, пожалуй, не в том, что Фрэнсис, натуре впечатлительной и пылкой, был не свойствен скептицизм. Поверхностное знакомство с Новым Светом не позволило ей разглядеть трещины, которые испещрили панораму благоденствия Америки.

В «преуспевающем» Нью-Йорке в 1819 г. насчитывалось около 10 тыс. безработных⁴. Беззастенчивые банковские махинации, выпуск необеспеченных обязательств разорили тысячи ремесленников и фермеров, позволив оборотистым предпринимателям вкладывать деньги в устройство фабрик⁵.

Машинным производством пока еще восхищались. «Эти удивительные механизмы, — заявлял в 1814 г. конгрессмен Генч Коукс, — работают так, как если бы они были существами одушевленными, они не ведают усталости, не требуют затрат на пищу и ночлег и унаследовали все таланты своих изобретателей»⁶. Иные верили, что машины открывают путь к нравственному совершенствованию нации. Мэтью Кэрей, публицист начала прошлого века, утверждал, что фабрики, используя труд детей и женщин, тем самым «оберегают их от праздности и сопутствующих ей пороков»⁷.

В следующее десятилетие восторги несколько поутихли. Правда, если в Англии промышленная революция, распространяясь по стране, сминала и крушила мелкое фермерство и ремесленников, то в США наличие свободных земель на западе смягчало натиск фабричной системы⁸. Здесь промышленный капитализм не порождал «избыточного населения» и повсеместного пауперизма, но все же развивался не безболезненно.

«Был город богат и многолюден... Но обуюла людей жадность к золоту. Возжелали сердца их почестей суетных, покупаемых золотом. Они простерлись ниц перед богатым торговцем, и ростовщиком, и стяжателем, а труд бедняка не ставился ни во что»⁹. Свою пригичу о духовном падении Нью-Йорка, выпущенную в 1829 г., Ф. Райт назвала «Новой Книгой Чисел». От былой очарованности Нью-Йорком не осталось следа. Конечно, за десять лет Фрэнсис изменилась¹⁰, но годы меняют не только людей. Нью-Йорк преобразился. Фабрики, порт, канал Эри сделали его коммерческим центром федерации. Он процветал, но превращался в город предпринимателей, в котором все подчинялось наживе¹¹. Страсть к обогащению,

страсть, по мнению Райт, постыдная, была одним из признаков нового экономического уклада, утверждавшегося в США.

Не менее заметен был перелом в сознании рабочих. Они теряли веру в легенды о честно добытых состояниях, постигая на практике, что обогащаются, как правило, за чужой счет, причем наживаются именно на их труде, оставляя им в удел бедность. Конечно, в Британии хозяева выжимали из своих работников гораздо больше. Но мысль о том, что кому-то живется еще хуже, — утешение слабое. Все отчетливее проявлялось нежелание американских трудящихся мириться с тяготами своего положения. В стране нарастало противоборство классов, разрушая надежды Джефферсона.

Глухое недовольство низов, разрозненные стачки не очень тревожили правящие классы. Они начали ощущать беспокойство, когда с середины 1820-х годов тред-юнионы стали действовать решительнее и сплоченнее. Появление же обществ, именовавшихся «рабочими партиями», или «партиями трудящихся», вызвало страх¹².

Возникновение этих партий, первая из которых была создана в Филадельфии в 1828 г., кажется явлением сугубо американским¹³. В Европе того времени подобных организаций не существовало. И все же они были проявлением процесса, происходившего и в Европе. Почти одновременно рабочее движение обеих стран подошло к тому этапу развития, на котором трудящиеся начинают прибегать не только к экономическим, но и политическим действиям для защиты своих интересов. Именно в конце 1820-х годов английские рабочие становятся главной силой движения за парламентскую реформу. В США, где избирательное право распространялось почти на все белое мужское население, трудящиеся могли использовать другие методы политической деятельности: в частности, поддерживать на выборах кандидатов, обещавших защищать их интересы, и выдвигать собственных. Таково и было назначение «рабочих партий».

В конце 1820-х — начале 1830-х годов почти в каждом крупном городе Севера США существовала своя «партия трудящихся». Она объединяла не столько фабричных рабочих, сколько ремесленников, мелкую буржуазию, интеллигенцию, т. е. слои, которые наиболее остро ощущали натиск промышленного капитализма¹⁴. Неоднородный состав сказывался на программах «партий». Но, несмотря на расплывчатость, а порой и утопичность содержавшихся в них требований, они отражали стремление к более справедливому устройству общества.

Изменение права наследования, ликвидация банков, обложение налогом церковной собственности, отмена тюремного заключения должников — таковы некоторые из положений избирательной плат-

³ Свой путевые заметки Ф. Райт издала по возвращении на родину. См.: *Wright F. Views of Society and Manners in America*. L., 1820. Подробнее о Ф. Райт см.: *Захарова М. Н. Р. Оуэн и оуэнисты в США*. — В кн.: *История социалистических учений*. М., 1976.

⁴ *Simons A. M. Social Forces in American History*. N. Y., 1918, p. 166.

⁵ *Ibid.*, p. 161—162.

⁶ *Ibid.*, p. 155.

⁷ *Carey M. Essays on Political Economy*, p. 458. — *Simons A. M. Op. cit.*, p. 156.

⁸ *Chevalier M. Lettres sur l'Amérique du Nord*. Bruxelles, 1837. Vol. 1, 2; *Ефимов А. В. Очерки истории США*. М., 1958.

⁹ Цит. по: *Perkins A. J. G., Wolfson T. Wright*. *Free Enquirer*. N. Y., 1939, p. 263.

¹⁰ В 1820-е годы она была членом общин, организованных оуэнистами, а с 1829 г. издавала в Нью-Йорке газету «Фри инквайер».

¹¹ Это отмечали и другие современники. См.: *Tocqueville A. De la démocratie en Amérique*. P., 1850. vol. 1, p. 287.

¹² *Фонер Ф. История рабочего движения в США*. М., 1949. Т. 1; *McMaster J. B. History of the People of USA: Vol. 4—7*. N. Y., 1900. vol. 5, p. 99.

¹³ *Simons A. M. Op. cit.*, p. 187; *Фонер Ф. Указ. соч.*

¹⁴ Те же самые социальные группы составляли основу английских рабочих организаций, в частности оуэнистских обществ. См.: *Андерсон К. М. К вопросу о характере оуэнистских организаций*. — В кн.: *Из истории социальных движений и общественной мысли*. М., 1984.

формы «Партии трудящихся Нью-Йорка». Хотя эти лозунги нельзя назвать революционными, тем не менее перспектива их осуществления привела буржуазию в панику. Против «партии трудящихся», которая, как мы говорили, удачно начала борьбу на выборах в ноябре 1829 г., были пущены в ход все средства: подкуп избирателей, подтасовка результатов голосования. Газеты демократов и республиканцев, забыв о своих расприх, обрушились на нее. Кампания в печати велась умело. Читателей убеждали, что вожди «партии» прикрываются именем трудящихся, а на самом деле не имеют ничего общего «с наиболее полезным и уважаемым классом граждан — рабочими»¹⁵. Поскольку двое из руководителей партии, Ф. Райт и Р. Д. Оуэн, были по происхождению англичанами, газетчики приписывали появление сей «зловещей» организации проискам коварных пространцев.

Несмотря на все прешоны, «партия трудящихся» собрала внушительное число голосов и провела своего кандидата в Ассамблею штата. Это был ее первый и последний успех. Тактика буржуазных партий, разногласия собственных вождей привели ее к расколу. Через несколько лет она прекратила существование так же, как и подобные «партии» в других городах¹⁶. Первый подъем американского рабочего движения закончился.

За эти годы американские трудящиеся добились многого. Они стали силой, с которой, по мнению современников, буржуазии приходилось считаться¹⁷. Преобразования эпохи «джексоновской демократии» были осуществлены в значительной степени благодаря усилиям рабочих¹⁸. Но этим не ограничиваются их достижения.

Справедливость каждый понимает по-своему. Пробуждающийся рабочий класс искал свое толкование этого слова. 1820-е годы были «золотым веком» утопического социализма. В Англии тред-юнионисты, кооператоры, часть радикалов пытались изменить мир, руководствуясь наставлениями Роберта Оуэна и его многочисленных учеников. Оуэнизм сыграл немалую роль и в истории американской социальной мысли¹⁹. Ф. Райт, Р. Д. Оуэн, Л. Биллесби, У. Хейгтон, К. Блатчли, Т. Скидмор и многие другие американские публицисты того времени, призывавшие к переустройству общества в интересах тружеников, были знакомы с идеями Р. Оуэна.

Это обстоятельство нередко обыгрывается в западной историографии. Подобно тому как в начале 1820-х годов буржуазная печать именвала американские тред-юнионы «чужеземным изобретением»,

¹⁵ *Myers G.* Op. cit., p. 83.

¹⁶ Мы не останавливаемся подробно на истории «рабочих партий», поскольку она неоднократно освещалась в литературе. См.: *Фонер Ф.* Указ. соч.; *Zacharova M. H.* Оуэн и оуэнисты в США.

¹⁷ *Tocqueville A.* Op. cit., vol. 1, p. 65; *Chevalier M.* Op. cit., vol. 2, p. 171; *La Sage R.* Cinq mois aux Etats-Unis. Bruxelles, 1837, p. 91.

¹⁸ *Simons A. M.* Op. cit., p. 187; *Merriam Ch.* American Political Theories. N. Y., 1926, p. 194.

¹⁹ См.: *Zacharova M. H.* Оуэн и оуэнисты в США; *Хилкаут М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1907; *Harrison J. F. C.* R. Owen and Owenites in Britain and American. L., 1969.

а несколько позднее усмотрела в «партии трудящихся» козни иностранцев, так и в современной американской историографии используется тезис о социалистических идеях, занесенных в США извне²⁰.

Действительно, оуэнизм оставил след в общественной мысли Америки. Но и опыт американских рабочих оказал воздействие на их британских собратьев. Так, создатели лондонского «Национального союза трудящихся и иных классов» — предшественника чартистской ассоциации — в немалой степени вдохновлялись примером «рабочих партий» США²¹. В начале 1830-х годов были установлены прямые контакты между некоторыми рабочими организациями Англии и США²².

Трудящиеся двух стран не были полностью изолированы друг от друга. Общий враг — капиталистические порядки — вызывал тягу к сотрудничеству. Стремление избавиться от одних и тех же социальных бедствий предопределило близость воззрений английских и американских утопистов, радевших о благе народных низов.

Любой утопический проект, как бы ни был он далек от реальности, предназначается для решения жизненных, насущных проблем. Злободневные вопросы, волнующие именно данную нацию, неизбежно отражаются в творчестве мыслителя. Национальные особенности США проявились во всех без исключения американских социальных утопиях, но, пожалуй, наиболее отчетливо в творчестве Томаса Скидмора.

* * *

Наверное, ни об одном из пионеров рабочего движения США не известно так мало и не сказано так много противоречивого, как о Томасе Скидморе.

Он родился 13 августа 1790 г. в Ньютауне, штат Коннектикут. Восемнадцати лет отроду, по причинам неясным, вынужден был уйти из родительского дома. Переезжал из города в город, нанимаясь учителем в школы, но нигде долго не задерживался, по вине решительного и прямого характера. Позже Скидмор занялся изысканиями в области производства пороха и бумаги, но его открытия присвоили ушлые дельцы. Около 1819 г. он обосновался в Нью-Йорке, работая, по одним данным, машинистом, по другим — механиком на фабрике.

Когда он примкнул к рабочему движению, неизвестно. Но в апреле 1829 г. Скидмор вошел в «Комитет 50-ти», которому поручили выработать платформу «партии трудящихся». Мы вправе предположить, что к этому времени он уже пользовался влиянием среди рабочих. Видимо, он был одним из авторов названной платформы. В декабре того же года Скидмор и небольшая группа его сторонников порывают с «партией трудящихся» и создают организацию — «партия бедняка». Скидмор начинает выпускать газету «Друг рав-

²⁰ *Commons J.* History of Labor. N. Y., 1918, vol. 5.

²¹ Poor Man's Guardian, 1834, 27 Dec.

²² Crisis, 1833, 19 Oct.

поправия». В 1831 г., по утверждению Джозефа Дорфмана, Скидмор организовал «Нью-Йоркскую ассоциацию по устройству дискуссий в области политической экономии» и опубликовал две книги: «Политические очерки» и «Разбор и опровержение нравственной физиологии», направленные против сочинения Р. Д. Оуэна «Нравственная физиология»²³. Другие историки не упоминают о фактах, приведенных Дорфманом.

Роль Скидмора в рабочем движении оценивается по-разному. Ф. Фонер считает его виновником раскола в «партии трудящихся»²⁴. Д. Б. Макмастер разделяет мнение современников Скидмора, утверждавших, что его выжила из партии Фрэнсис Райт²⁵. Некоторые историки полагают, что ни Скидмор, ни Райт не были повинны в расколе, который произошел в результате интриг заправил «Таммани-холл»²⁶.

Томас Скидмор умер в 1832 г., причем обстоятельства его смерти столь же не ясны, как и история жизни. По мнению одних, он скончался от холеры, по уверениям других, был отравлен.

Не меньше толков вызывают и воззрения Скидмора. В ряде исследований, включая фундаментальные, он предстает как практик рабочего движения, но не мыслитель²⁷. Историки, анализировавшие взгляды Скидмора, приходят к почти взаимоисключающим выводам. По утверждению одних, Скидмор был последователем Р. Оуэна²⁸. Иные считают его сочинение первым проявлением «собственно американских социалистических утопий»²⁹. М. Н. Захарова полагает, что «труд... Скидмора в определенном смысле надо рассматривать как синтез развития социалистической мысли Англии и Америки»³⁰. Наконец, некоторые исследователи вообще отрицают принадлежность Скидмора к проповедникам идей утопического социализма³¹ и даже усматривают в нем апологета свободной конкуренции³².

Итак, Скидмор остается личностью спорной, если не сказать загадочной. Его жизнь подобна вспышке, яркой и короткой. Появившись из неизвестности, он сразу оказался в центре внимания, приобрел сторонников и недругов. По прошествии всего трех лет он умирает. Среди людей, отдавших рабочему движению годы, таких, как Ф. Райт или Р. Д. Оуэн, он выглядит фигурой мимоходом. К тому же он не играл главенствующей роли, а был одним из многих. Судьба его наследия сравнима с судьбой произведений немалого

числа оуэнистов. На фоне Роберта Оуэна они предстают статистами, и, лишь внимательно присмотревшись к каждому из них, открываешь их самобытность. Скидмор порой воспринимался как лицо второстепенное, как одна из тех персон, которые представляют интерес в совокупности с другими, но, взятые по отдельности, ничего не значат. Не умаляя заслуг и достоинств остальных американских утопистов прошлого века, попробуем отнестись к Скидмору как к мыслителю, чьи взгляды заслуживают специального исследования.

Основное сочинение Т. Скидмора носило странное, в духе эпохи, заглавие — «Права человека на собственность, или Предложение о ее равном распределении среди совершеннолетних лиц нынешнего поколения, а также о справедливом наделении ею каждого индивида будущих поколений, вступающего в совершеннолетие»³³.

Обстоятельства, связанные с ее выходом, весьма любопытны. При чтении книги складывается впечатление, будто ее писали и издавали в крайней спешке. Стил небрежен, Скидмор по нескольку раз возвращается к одним и тем же вопросам, порой досказывая то, что упустил раньше. Он как бы импровизирует, не имея времени на то, чтобы остановиться и исправить огрехи.

Книга выходила по подписке, что в США было явлением обычным. Издал ее полковник Александр Минг, друг и в известной мере единомышленник Скидмора³⁴. Видимо, работа печаталась в разных типографиях, поскольку последние 180 страниц набраны иным, более крупным шрифтом. Возможно, у издателя возникли осложнения с печатниками, но не исключено, что книга печаталась частями одновременно в двух типографиях, для ускорения ее выхода.

В самом конце книги Скидмор поместил обращение к читателям, в котором, принося извинения за опечатки, объясняет их тем, что из-за болезни не сумел вовремя заметить оплошность: в типографию был отослан не белой текст, а неправленная авторская рукопись³⁵. Итак, отправив впопыхах издателю черновик, Скидмор не успевает заметить путаницу и разобраться с ней. Он явно торопится издать книгу.

Благодаря тому что в США уже в начале XIX в. существовала охрана авторских прав, мы знаем время окончания работы Скидмора над книгой. Она была зарегистрирована у чиновника, как требовал закон, 13 августа 1829 г. Итак, нам известно, когда Скидмор закончил книгу. Но когда он приступил к ней?

В апреле 1829 г., как мы уже говорили, был образован «Комитет 50-ти», которому поручили подготовить избирательную платформу «партии трудящихся». В скором времени она была написана при самом непосредственном участии Скидмора. Но его взгляды разделяли далеко не все участники «партии». Между тем в ноябре предстояли выборы, на которые Скидмор возлагал особые надежды, ибо

²³ *Dorfman J. The Economic Mind in American Civilization. N. Y., 1946, vol. 2. p. 644—645.*

²⁴ *Фонер Ф. Указ. соч., с. 158.*

²⁵ *McMaster J. B. Op. cit., vol. 5, p. 105.*

²⁶ *Myers G. Op. cit., p. 82; Perkins A. J. G., Wolfson T. Op. cit., p. 288.*

²⁷ *McMaster J. B. Op. cit., vol. 5, p. 105; Фонер Ф. Указ. соч., с. 154.*

²⁸ *Валюженич А. В. Проблемы истории социалистической мысли в США. М., 1980, с. 9; см. также: Он же. Социалистическая мысль и движение в США. М., 1983.*

²⁹ *Багалов Э. Ф. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982, с. 68.*

³⁰ *Захарова М. Н. Оуэн и оуэнисты в США, с. 209.*

³¹ *Ефимов А. В. Указ. соч., с. 209.*

³² *Dorfman J. Op. cit., vol. 2, p. 644.*

³³ *Skidmore Th. The Rights of Man to Property. N. Y., 1829. Факсимильное переиздание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1969 г.*

³⁴ *Dorfman J. Op. cit., vol. 2, p. 656, 662.*

³⁵ *Skidmore Th. Op. cit., p. 406.*

видел, что труженики Нью-Йорка пробуждаются к борьбе. Он уже представлял, как добиться справедливости для народа. Оставалось доказать свою правоту другим. «Если возобладает убеждение,— пишет он,— что мой план достоин одобрения и принятия, то, к счастью, народ в силах положить его в основу общественного договора при помощи тихого, мирного, но непреодолимого действия избирательных урн»³⁶. Для Скидмора было крайне важно разъяснить людям смысл своего плана, обосновать его, ответить на возражения, которые он уже встретил и которые могли последовать. Скидмор берет за перо. В книге собственно проект занимает лишь 5 страниц из 400. Остальное — доводы в пользу плана, возможные контраргументы и их опровержение. Таким образом, эта книга, обращенная «прежде всего к гражданам Нью-Йорка», — своего рода пояснение к плану социальных преобразований, которые, как полагал автор, могут начаться в ближайшее время, если на выборах им окажут поддержку. Ему нужно было во что бы то ни стало закончить работу до ноября. И потому он спешил.

Будь у Скидмора больше времени, он, вероятно, исправил бы стилистические и композиционные погрешности книги. Но, думается, она только проиграла бы от этого. Подправленная, приукрашенная, она не передавала бы той атмосферы полемики, борьбы, поисков, в которой рождалась. Скидмор писал книгу, как бы споря со своими противниками, подбирал доводы, доходчивые и понятные простому человеку, не искушенному в науках. Он учитывал умонастроение своих современников. Благодаря этому мы имеем возможность проследить, как они воспринимали мир, что было для них само собой разумеющимся, что требовало доказательств. С этой точки зрения «Права человека на собственность» — бесценный источник по истории общественной мысли США начала XIX в.

Пожалуй, редкий спор обходится без апелляции к авторитетам. В Британии Роберт Оуэн, а в еще большей степени его ученики, вступая в полемику, ссылались на политэкономия, прежде всего на теорию трудовой стоимости Д. Рикардо. Скидмор к этой науке не прибегает. Для него высшими авторитетами являются Томас Пэйн и Томас Джефферсон. Он не скрывает своего преклонения перед Пэйном, «отстаивавшем права народов всех стран с непревзойденной энергией и талантом, судившим о будущем с проницательностью величайшего человека»³⁷. Столь же восторженно он отзывался о Джефферсоне. «Никто более его,— пишет Скидмор,— не заслужил своими воззрениями права почитаться „образцом Человека“, олицетворяющего собой наш век»³⁸. Несмотря на высокопарный слог, в словах Скидмора нет ни грана показного уважения. Он воспринял многие их идеи, знал их работы чуть ли не наизусть. В своей книге Скидмор часто цитирует по памяти обороты и целые фразы из сочинений Джефферсона и Пэйна. Более того, невольно или созна-

тельно, Скидмор подражает стилю Пэйна, энергичному, подчас резкому.

Наверное, вопрос о том, что побуждает человека взывать к авторитету того или иного имени, бессмыслен, ибо на него существует множество ответов. Но все же попробуем понять, почему в одном случае обращались к Рикардо, а в другом — к Джефферсону и Пэйну.

Промышленная революция и ее последствия, как явные, так и грядущие, были главной темой, занимавшей общественную мысль Англии начала XIX в. Даже людям неискушенным было ясно, что все беды социального характера вызваны стремительными переменами в экономической жизни страны. Философы описывали происходящее, сетовали на падение нравственности, веры, на забвение о страждущих. Но сколь-нибудь вразумительное толкование процессов, вершившихся на острове, могла дать только политэкономия, ставшая для англичан наукой наук. Оуэнисты не были исключением. Политэкономия служила краеугольным камнем их проектов переустройства общества.

Скидмора почти не занимают вопросы машинного производства и его побочных явлений. Он уделяет им буквально пару страниц. Он допускает, что «эти технические усовершенствования рано или поздно значительно сократят спрос на труд бедняков... в итоге все трудовое население погибнет, так сказать, самоуничтожится, ибо станет бесполезным»³⁹. В словах Скидмора не чувствуется крайней озабоченности. Так говорят о вещах возможных, но пока довольно отвлеченных⁴⁰.

В каждой из стран противоречия развивающегося капитализма имели свои оттенки. Скидмор делит общество на имущих и неимущих. В Англии его уже подразделяли на имущих и нищих. Пауперизм, вызванный машинами,— явление Скидмору почти неизвестное. Оуэн доказывал, что социальная несправедливость опасна, ибо нация погибнет от поголовной нищеты рабочих, их невежества и порочности. Равенство необходимо для спасения Британии. По Скидмору, несправедливое положение, при котором «значительная часть общества... обречена на рабское подчинение труду, а другая рождается лишь для наслаждений»⁴¹, должно быть ликвидировано прежде всего потому, что оно противоречит естественному равенству людей, провозглашенному «Декларацией независимости».

Не последствия промышленного переворота, а незавершенность американской революции была отправной точкой рассуждений Скидмора. Он был не одинок в своем убеждении. «Стоящие перед нами задачи,— заявляла «Рабочая партия Филадельфии»,— священны: они завершают величественный труд революции»⁴². Рабочие ощущали себя продолжателями дела Джефферсона и Пэйна и, есте-

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., p. 19.

³⁸ Ibid., p. 12.

³⁹ Ibid., p. 58.

⁴⁰ Стоит напомнить, что в Соединенных Штатах промышленный переворот охватил в основном северо-восток страны.

⁴¹ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 4.

⁴² *Фонер Ф. Указ. соч.*, с. 149.

ственно, почитали их. Так, в 1824 г. в Нью-Йорке было создано «Общество друзей Томаса Пэйна». Редкий памфлет, обращенный к трудящимся, обходился без упоминания этих двух мыслителей. Ссылка на них считалась веским аргументом.

Скидмор ищет в их книгах не только подтверждение своим мыслям. Его мучает вопрос: почему общество, возводимое на столь прекрасных идеалах свободы и равенства, оказалось на поверку уродливым сооружением? Размышления приводят его к выводу: «Истина состоит в том, что все правления мира начинались с ошибок»⁴³. Где же искать ошибку «отцов-основателей?» Разумеется, в «Декларации независимости», заложившей, по мнению Скидмора, фундамент общественного здания Соединенных Штатов.

«Мы считаем самоочевидными следующие истины — что все люди созданы равными, что они наделены своим создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью»⁴⁴. Скидмору, как большинству американцев, идеи Декларации казались само собой разумеющимися. В отличие от европейских утопистов ему не было надобности убеждать читателей в том, что люди созданы равными. Для него равенство не предмет, требующий доказательств, а скорее критерий истинного и ложного. Этой мерой он оценивает и Декларацию.

Каждый имеет право на счастье и свободу, но не всякий может им воспользоваться. Неужели Джефферсон верил, будто нищий столь же счастлив, как и богач? «Разве не каждодневно зрим мы толпы тех, — спрашивает Скидмор, — кто, стремясь к тому самому счастью, которое Джефферсон причислил к неотъемлемым правам человека, вынужден жертвовать свободой, здоровьем, а зачастую и жизнью, дабы получить собственность?»⁴⁵ Владеющий собственностью владеет свободой и счастьем своих неимущих сограждан⁴⁶. Он, пишет Скидмор, «может накормить меня, а может уморить голодом; может дать мне работу или лишить ее; я его раб, и было бы чудовищной глупостью доказывать иное»⁴⁷. Страдают не только люди, не имеющие ни гроша. Подобно тому как большие деревья вытесняют маленькие, так и крупный капитал поглощает мелкий⁴⁸. Собственники не только поработили своих соотечественников, но и прибрали к рукам законодательную власть, пользуясь подкупом и посулами⁴⁹.

Скидмору очевидно, что имущественное неравенство сводит на нет равенство политическое. Стало быть, частная собственность — зло? Напротив. «Я люблю собственность, — поясняет Скидмор, — ибо она дает мне дом, где я укрываюсь от летнего зноя и зимней стужи, устилает полы коврами, дает мне зеркала и буфеты... Я люблю

собственность за уголь, который она подбрасывает в мой камин, за ростбиф на моем столе, за средства, которые она предоставляет в мое распоряжение, чтобы одарить меня удовольствием, уютом и счастьем»⁵⁰. Собственность — залог счастья и свободы индивида. Джефферсон не учел этого и допустил ошибку. «Я убежден, — заявляет Скидмор, — что естественное право человека на жизнь и свободу не более священно и неотъемлемо, чем его право на собственность»⁵¹.

Итак, собственность, по Скидмору, имеет как бы две сущности: здоровую и пагубную. Но где та грань, которая отделяет собственность-благо от собственности-зло?

Скидмор определяет ее следующим образом: «Как только владелец собственности употребляет ее на то, чтобы пребывать в праздности, т. е. жить чужим трудом, он нарушает права других и оказывается в положении грабителя, у которого жертвы нападения вправе отнять оружие грабежа»⁵². Скидмору ясен вред и отсутствия собственности, и ее излишка. Как он пришел к этому выводу?

«Когда собственность используется как орудие для кражи прав тех, кто ее не имеет, ее применение столь же преступно, как применение оружия ради грабежа»⁵³. Не составляет большого труда увидеть явное сходство фразы Томаса Пэйна с только что приведенными словами Скидмора. Обороты речи Скидмор заимствовал у Пэйна, но сама идея о погубности чрезмерных богатств была давней и распространенной. Составленный в 1776 г. проект декларации Пенсильвании гласил: «Огромная доля собственности, сосредоточенная у немногих лиц, опасна для прав и разрушительна для общего счастья человечества»⁵⁴. Подобные высказывания встречаются и в других документах периода американской революции, в произведениях Б. Франклина и Т. Джефферсона⁵⁵. По утверждению Харриэт Мартино, посетившей США в начале 1830-х годов, большинство американцев были убеждены в несовместимости колоссальных частных состояний с демократией⁵⁶. Да и сам Скидмор не приписывал себе авторства этой идеи, напротив, он подчеркивал: «Нет истины, более широко признанной человечеством, нежели та, что огромное богатство в руках немногих всегда вредит благосостоянию государства»⁵⁷. Общепризнанность, почти самоочевидность этого мнения имела для Скидмора особое значение. В своих выступлениях Оуэн часто противопоставлял современное, не ведающее милосердия общество тому счастливому строю, который он изобрел. Скидмор, по

⁴³ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 125.

⁴⁴ Американские просветители. М., 1968, т. 2, с. 27.

⁴⁵ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 59.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 388.

⁴⁷ *Ibid.*

⁴⁸ *Ibid.*, p. 344.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 167.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 221—222.

⁵¹ *Ibid.*, p. 59.

⁵² *Ibid.*, p. 3—4.

⁵³ *Paine Th. Dissertation on first Principles of Government B: Writings of Th. Paine. N. Y., S. a.*, p. 177.

⁵⁴ Цит. по: Каримский А. М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976, с. 257.

⁵⁵ См.: Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М., 1980, с. 135; Каримский А. М. Указ. соч., с. 257.

⁵⁶ *Webb R. K. Harriet Martineau. N. Y.*, 1970, p. 170.

⁵⁷ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 29.

существо, делает то же самое. Он сравнивает возвышенные, верные и никем не оспариваемые идеалы основателей республики с их реальным воплощением, далеким от естественных принципов.

Доводы и рассуждения Скидмора подчас настолько совпадают с изречениями Джефферсона и Пэйна, что напоминают пересказ их работ. Но при внимательном прочтении обнаруживаешь: Скидмор не пересказывает, а перелагает идеи Просвещения на иной язык. И Пэйн, и Скидмор утверждают, что собственность может служить орудием кражи прав человека. У Пэйна речь идет о политических правах, у Скидмора — о собственниках, вымогающих плоды чужого труда, т. е. об эксплуатации. И Джефферсон, и Скидмор видели общественное зло в непомерной собственности, но Скидмор считает равным злом и ее отсутствие. Даже приводя дословно отрывки из сочинений просветителей, Скидмор порой вкладывает в них такой смысл, о котором авторы не помышляли.

В одной из глав своей книги Скидмор помещает довольно странную цитату из «Прав человека» Пэйна, поясняя, что самому ему не удалось бы так точно выразить суть дела. В этом фрагменте Пэйн доказывал, что ни одно поколение не имеет права собственности на последующие поколения⁵⁸. Подобного мнения придерживался и Джефферсон, считавший, что «власть и права могут принадлежать лишь людям, а не вещам, не какой-то материи, лишенной воли»⁵⁹. Пэйн и Джефферсон имели в виду право народа на обновление законов и форм правления. Скидмор же использует высказывание Пэйна для обоснования права наследования, к которому он питал ненависть, так как считал, что оно усиливает неравенство, ибо дети бедняков и богатых вступают в жизнь с неодинаковыми возможностями. Подобно тому как стервятники вскармливают своих детенышей птенцами других птиц, возмущался Скидмор, так и богатые, наделяя своих отпрысков собственностью, позволяют им кормиться чужим трудом⁶⁰. О вреде завещаний Скидмор пишет с негодованием, но, доказывая несовместимость наследования с естественными правами, ссылается на Джефферсона и Пэйна. Он убеждает, что завещания есть не что иное, как вмешательство одного поколения в дела потомков. Он называет нелепыми попытки людей удерживать власть над собственностью и после смерти: «Праха не может быть собственником... Разум — главнейшее условие, предьявляемое владельцу. Нет разума — нет собственника. Бездушное вещество не может владеть веществом»⁶¹.

На первый взгляд Скидмор лишь дополняет размышления Джефферсона и Пэйна, стараясь как бы досказать недомолвленное ими. Не случайно название его книги отличается от заглавия «Прав человека» Пэйна лишь одним словом — «Права человека на собственность». Вполне обдуманно Скидмор взял эпиграфом к своей работе приводившийся нами отрывок из «Декларации независимости», за-

менив в ней джефферсоновское «стремление к счастью» на «собственность». Скидмор порой переиначивает мысли Джефферсона и Пэйна, казалось бы ненароком, но в действительности преднамеренно. Ибо он не просто продолжает рассуждения просветителей, а настойчиво и упорно переводит их в иное русло. Не политические институты занимают Скидмора, а собственность, точнее, ее законы.

Их непригодность не вызывает сомнений. Они противоречат общепризнанным нравственным заповедям, прежде всего запрету обращать богатство во вред ближнему своему. Закон, рождающий беспорядок, по меньшей мере нелеп. Сообразное природе, разуму не может быть несправедливым, утверждает Скидмор. Следовательно, заключает он, «законы собственности не имеют равным счетом ничего общего с естественными принципами»⁶². Разве об этом не свидетельствует и пресловутая «неопределенность» закона? В каждой стране существуют свои установления о собственности, отличающиеся от чужеземных как небо от земли. Даже законы одного государства то и дело перекраиваются, всякий толкует их на свой лад. «Я думаю,— пишет Скидмор,— что в любой стране могли бы возникнуть такие тягбы, связанные с правами на собственность, которые разбирало бы одновременно сто судов, составленных из знаменитейших гениев судебного разбирательства и располагавших одинаковыми фактами, тем не менее они наверняка вынесли бы сто разных решений, если бы не ведали о размышлениях своих коллег»⁶³.

Законы природы вечны, неизменны и непреложны. Если статусы, изобретенные людьми, двусмысленны, изменчивы, стало быть, они далеки от естественных принципов. «Право подобно истине, столь же доступной пониманию каждого, как доказательства Евклида», — заявляет Скидмор⁶⁴. Чем дальше отстоит «гражданский закон» от «естественного права», тем глубже погружается общество в трясину социальных конфликтов, бедствий, нищеты.

Казалось бы, США должны являть собой счастливое исключение, ибо Джефферсон и другие «отцы-основатели», согласно своему пониманию принципов естественного права, поддерживали революцию, а после нее воздвигали политическое устройство⁶⁵. Тем не менее и здесь законы весьма далеки от права. Они не обеспечивают равноправия, их то и дело обновляют, переиначивают. Скидмор ссылается на пример, близкий его согражданам, — реформу избирательной системы штата. До недавнего времени, напоминает Скидмор, в сенат могли избирать лишь владельцы крупной собственности. Они диктовали свою волю народу. Отмена имущественного ценза лишила их не только былого всевластия, но и части собственности, поскольку налогообложение зависит теперь не от них. «Если правительство, — заключает Скидмор, — вынуждено жертвовать одними правами ради обеспечения других, значит, в системе правления есть осязаемый

⁵⁸ См.: Пэйн Т. Избранные сочинения. М., 1959, с. 179.

⁵⁹ См.: Каримский А. М. Указ. соч., с. 237.

⁶⁰ Skidmore Th Op. cit., p. 228.

⁶¹ Ibid., p. 83.

⁶² Ibid., p. 57.

⁶³ Ibid., p. 31.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid., p. 58.

изъян»⁶⁶. Он никоим образом не подозревает Джефферсона и Пэйна в преднамеренном отступлении от «естественных принципов». Не злой умысел, а недосмотр великих вдохновителей революции привел к воцарению социальных пороков. От заблуждений или правоты разума зависит ход истории. Подобно просветителям, Скидмор верит в неизбежность «природных законов» и мощь человеческого разума. Он не оспаривает мировоззрения просветителей, не предлагает своей философской концепции, а пытается выявить просчеты в размышлениях Джефферсона и Пэйна, надеясь таким образом найти истинные принципы человеческого общежития.

«Представим себе», «вообразим» — такими словами в XVIII в. начиналось почти каждое описание «естественного состояния». Вымышленная, воображаемая эпоха, которой, как писал Ж. Ж. Руссо, «больше нет, которой, может быть, никогда не существовало и которой, наверно, никогда не будет»⁶⁷, служила своего рода мифической лабораторией, в коей просветители испытывали свои идеи. Единственным прибором являлась логика, критерием — здравый смысл. Этим же инструментарием пользуется и Скидмор. Его рассуждения лишены изящества, порой грубоваты, но обстоятельны и добротны. Заметив слабину в своих построениях, он тотчас старается подправить ее дополнительными, подчас весьма пространными объяснениями.

Желая докопаться до истины, упущенной предшественниками, Скидмор призывает обратиться к истокам истории. «Если принципы правления, — предупреждает он, — берут свое начало от состояния вещей, настолько удаленных от нас по времени, что мы не можем приблизиться к ним, то нам грозит опасность надолго заложить ошибочные принципы в политическое здание»⁶⁸. Однако эта опасность не более чем условность.

«Отдаленные времена» на поверку оказываются воспроизведением задачи, некогда поставленной Пэйном. Дано «небольшое число людей, поселившихся в какой-то обособленной части земли, не связанной с остальным миром; эти люди будут представлять собой первых жителей какой-либо страны или мира»⁶⁹. Они намерены учредить для себя правление. Спрашивается, какую систему они выберут? Скидмору, как и Пэйну, ответ предельно ясен: они заключат «общественный договор» на принципе равной справедливости. Но дальше Скидмор уличает Пэйна в непоследовательности. Тот утверждал, что «общественное соглашение» благодетельно и для богатых, и для бедных. Но откуда они появились, недоумевает Скидмор, ведь «первопоселенцы» лишь намереваются создать правление? Собственность — продукт общественного соглашения. Это признает и Пэйн. Человек, присвоивший себе что бы то ни было без согласия

остальных, уподобляется грабителю. И неужели, составляя «социальный договор», люди обойдут стороной вопрос о собственности? Скидмор отказывается поверить в подобную нелепость. Возможно, совместное владение показалось бы им самым приемлемым. Но решив разделить ее, неужто они стали бы собственными руками создавать неравенство? Вопреки здравому смыслу добровольно обречь себя на рабство бедности? Разумеется, нет. «Если бы шел раздел их общей собственности, — утверждает Скидмор, — они провели бы его равно, или настолько равно, насколько это было бы им под силу»⁷⁰.

Апелляция к истории у Скидмора есть не что иное, как взывание к здравому смыслу, а точнее, к житейской мудрости. Он не в состоянии представить себе человека, охотно согласившегося прозябать в нищете и угнетении. Ему ясно, что Пэйн совершил ошибку, которая обернулась просчетами при возведении здания американского общества. И промах Пэйна заключается в том, что, заняв «первопоселенцев» проблемами политического равенства, он забыл поставить перед ними вопросы равенства имущественного.

По мнению Скидмора, грех непоследовательности лежит и на Джефферсоне. Он был совершенно прав, утверждая, что «земли, находящиеся в пределах территории данного народа, принадлежали в некий период истории нации как целому»⁷¹. Но почему, вопрошает Скидмор, Джефферсон полагал, будто собственность на движимое имущество возникает до установления правлений, а на землю лишь после него? Джефферсон объяснял это тем, что движимое имущество не нуждалось в защите, а земельная собственность требовала охраны. Объяснение, с точки зрения Скидмора, невразумительное, а главное, оправдывающее неравенство. Движимая собственность «первых людей» равна, потому-то, замечает Скидмор, и не было надобности в законах, ее оберегающих. Каждый владел ею на основе «естественного права». Неравный раздел земли потребовал обращения к «гражданским законам», а фактически — к насилию и произволу. Джефферсон впал в заблуждение, приняв возникшее неравенство как должное.

Подвергнув дотошному разбору воззрения Джефферсона и Пэйна на «права человека», Скидмор устанавливает их «крайнее несовершенство и двусмысленность»⁷². Два величайших мыслителя не сумели постичь столь важный предмет. Стоит ли говорить, что другим он тем более оказался не по силам? «Из всех вопросов, изучавшихся людьми, — заключает Скидмор, — ни один не занимал столько времени и не подвергал столь суровому испытанию умственные способности человека, как происхождение и природа прав собственности, и, по правде говоря, ни одно из исследований не увенчалось столь ничтожным успехом»⁷³. Виною тому заблуждения, некогда порожденные невежеством и вошедшие в привычку.

⁶⁶ Ibid., p. 56.

⁶⁷ Цит. по: Виннер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. Иваново-Вознесенск, 1925, с. 67.

⁶⁸ Skidmore Th. Op. cit., p. 72.

⁶⁹ Пэйн Т. Здравый смысл. — Избранные сочинения, с. 22; Skidmore Th. Op. cit., p. 64—65.

⁷⁰ Skidmore Th. Op. cit., p. 67.

⁷¹ Ibid., p. 73.

⁷² Ibid., p. 58.

⁷³ Ibid., p. 30.

На заре человеческой истории планета была малолюдна и правом на собственность никто не интересовался. Со временем род людской умножился, земли не стало хватать. Проблема собственности начала волновать людей. Но по неразумию своему они пытались выяснить не право собственности, а лишь границы владений каждого индивида⁷⁴. Постепенно в руках немногих скопились огромные наделы, большинство же лишилось и последнего клочка земли. Неимущие вынуждены были поступить в услужение к богатым. Но, рассуждая о собственности, люди по обыкновению исследовали только ее законные размеры, но не само право на собственность⁷⁵.

Скидмор не сомневается, что ему первому в мире удалось до конца постичь истинную суть права собственности. По его глубокому убеждению, устранение ошибочных мнений приведет к устранению социального зла, ибо «то, что началось с заблуждений и несправедливости, несомненно, может быть исправлено, если известно, как совершить это»⁷⁶.

«Три вещи тесно и неразрывно связаны друг с другом,— пишет Скидмор,— это собственность, личности, права; из них созданы и должны создаваться все правления мира»⁷⁷. Прежде всего необходимо уразуметь подлинный смысл этих понятий. Личности, формулирует Скидмор, есть «человеческие создания, которых Творец испоместил в этом мире как его обитателей»⁷⁸. Как явствует из этого определения, различия пола или цвета кожи для Скидмора не существенны.

Все люди наделены равными правами. Опровергать сие, в высшей степени бесспорное, мнение осмелится разве что негодяй либо безумец. Знает ли человек о своих правах или не ведает, признает их или отвергает, они не теряют своей силы, не зависят от его воли и желания общества. Природа одаривает каждого человека, рождающегося на свет, равными правами. Я существую, значит, наделен правами. Для Скидмора это не предположение, а первейшая заповедь. Общество, по его мнению, не более чем опекун, призванный охранять сей завет природы. «Как душеприказчик, так и человеческое общество,— указывает Скидмор,— не властно создавать права, ибо они уже созданы, а доверенным лицам не вольно переделывать или хотя бы несколько менять их»⁷⁹.

О свойствах «природных прав» Скидмор говорит как о предметах доселе неизвестных. Он словно запомнил, что в «Принципах правления», которые он неоднократно цитирует, Пэйн доказывал что «права не дар, они принадлежат человеку в силу его существования», а общество — их страж, но не пожалователь⁸⁰. Плагат! Не совсем. Да, огрехи Пэйна Скидмор исправляет, используя слова

Пэйна, но вкладывает в них иной смысл. «Что такое собственность?» — спрашивает он и отвечает, — весь материальный мир в том виде, в каком он вышел из рук Создателя. Что такое право? Право каждого обитателя земного шара наравне с собратьями вкушать... плоды и продукты, даруемые природой»⁸¹. Итак, оба говорят о правах. Но Пэйн о правах политических, а Скидмор о праве каждого человека на равную собственность. Он отыскивает данное «естественное право» — забытое или упущенное просветителями. Ради его торжества он спорит с Джефферсоном и Пэйном, находя в их трудах доводы в пользу своей точки зрения. На первый взгляд Скидмор предлагает определение «собственности» и «прав», составленное им самим. Но сравним его со следующим отрывком из Пэйна.

«Бесспорно то, что земля в своем естественном состоянии... была общей собственностью человеческого рода. В этом состоянии каждый человек рождался бы для обладания собственностью. Вместе со всеми остальными он был бы пожизненным совладельцем почвы и всех ее естественных даров»⁸². Если изменить сослагательное наклонение на изъявительное, то слова Т. Пэйна будут почти неотличимы от приведенного выше тезиса Скидмора. Но частица «бы» оказывается внушительнее иной прощати.

Все мыслители Просвещения, как французские, так и американские, признавали: «естественное состояние» не ведало частной собственности. Они превозносили его как эпоху величайшей добродетели, философствовали о неотъемлемости «естественных прав», осуждали крайнее имущественное неравенство. Не скупясь на звучные славословия, просветители тем не менее считали «золотой век» имущественного равенства благим и, увы, несбыточным пожеланием, чем-то давно утраченным и невозвратимым. Равное распределение собственности неосуществимо, утверждал Джефферсон⁸³. Все нации переходят от «естественного состояния» к цивилизации, но обратного пути нет, категорически заявлял Пэйн⁸⁴.

Скидмор придерживается иного мнения. Принципы, на которых покоилось «естественное состояние», неизменны и вечны, «они всегда существовали и всегда будут существовать»⁸⁵. Не важно, что много веков человек по своему скудоумию пренебрегал ими. Наконец, они обнаружены, извлечены из забвения, и впредь никто не смеет ослушаться их. Объяснений просветителей, так или иначе убеждавших в неизбежности и даже разумности отказа человечества от «природной» общности имущества, Скидмор не приемлет. Ему кажется вопиюще нелогичным сохранение одних «естественных прав» и ликвидация других. «Если бы правительство обладало властью или, точнее, было бы способно утверждать равенство лишь в свободе и жизни, но не равенство в собственности, это полностью

⁷⁴ Ibid., p. 360.

⁷⁵ Ibid., p. 365.

⁷⁶ Ibid., p. 127.

⁷⁷ Ibid., p. 32.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Ibid., p. 44.

⁸⁰ Paine Th. Op. cit., p. 176.

⁸¹ Skidmore Th. Op. cit., p. 32.

⁸² Пэйн Т. Аграрная справедливость.— Избранные сочинения, с. 381.

⁸³ См.: Захарова М. Н. Т. Джефферсон и проблема собственности.— В кн.: История социалистических учений. М., 1982, с. 166.

⁸⁴ Пэйн Т. Избранные сочинения, с. 381.

⁸⁵ Skidmore Th. Op. cit., p. 44.

доказывало бы, что оно неполномочный институт, отъемлющий „неотъемлемые“ права, коими Создатель наделил всех людей», — заключает Скидмор⁸⁶. Возродить «изначальное» имущественное равенство не только возможно, но и необходимо. Идеи, выношенные Просвещением, Скидмор требует превратить в практические выводы.

Приложив «естественноправовой» эталон не к политическим, а социальным отношениям, уверовав в грядущее возвращение «природных принципов», Скидмор придал иное звучание расхожей фразеологии Просвещения. Оправданию или умеренной критике просветителями буржуазных порядков Скидмор противопоставляет вывод об их неприемлемости. Восстановление «природных прав», на котором настаивает Скидмор, равнозначно решительному переустройству существующего строя. Лозунги просветителей, вдохновлявшие американскую революцию, обращались против ее итогов.

Теоретическую основу утопии Скидмора вряд ли можно назвать оригинальной. Большинство утопических проектов XVIII в., как уравнилельских, так и коммунистических, опиралось на интерпретацию идей Просвещения. Проблема взаимосвязи социальной утопии XVIII в. с просветительской философией являлась предметом специальных исследований, что избавляет нас от необходимости задерживаться на данном вопросе⁸⁷.

Сходство воззрений Скидмора со взглядами утопистов эпохи Просвещения проявляется прежде всего в понимании законов человеческого общества. Возможно, по широте и образности мысли он уступает У. Годвину, Дешану, Р. Уоллесу и многим другим, но, несомненно, среди них он не выглядел бы чужеродным вкраплением. Однако Скидмор был современником мыслителей, олицетворявших новый этап в развитии социальной утопии. Концепции истории, созданные Фурье, Сен-Симоном и его учениками, резко отличались от просветительских. Роберт Оуэн обогатил утопический социализм политэкономическим анализом социальных отношений. Системы этих утопистов строились не на интерпретации философии Просвещения, а на иных теоретических основах, более глубоких, хотя, разумеется, еще не научных. На их фоне программа Скидмора, опирающаяся на умозрительное «естественное состояние», гипотетические «природные права», предстает неким отзвуком прошлого.

Конечно, книга Т. Скидмора не дает повода для суждения о всей социальной утопии США начала XIX в. Однако она наводит на размышления о судьбе наследия Джефферсона и Пэйна. Бесспорно, оно не было отжившим курьезом, а оказывало немалое влияние на общественную мысль. С их именами связывались и революция, и создание политических институтов. Видимо, поэтому им приписывали и достоинства, и пороки современного американского общества. Фабричная система была еще слишком слаба, чтобы разглядеть в ней

источник социальных противоречий. В этих условиях критика существующих порядков неизбежно начиналась с обращения к воззрениям тех, кого почитали их творцами. Никто не оспаривал провозглашенного просветителями равенства людей. Один англичанин, побывавший в США в 1820-е годы, писал: «Среди самых жарких политических споров, я ни разу не услышал даже намека на осуждение великих принципов правления»⁸⁸. Пожалуй, этим и объясняется связь утопии Скидмора с философией Просвещения.

Восстановление «естественных прав», по мысли Скидмора, означает равное распределение собственности. В известной степени его утопия — преемница эгалитаристских лозунгов, выдвигавшихся обездоленными классами в ходе американской революции⁸⁹. Полустихийный клич к уравниванию собственности Скидмор преобразует в цельную систему социальных реформ.

Хотя естественноправовая теория вполне допускала вывод о целесообразности обобществления собственности, Скидмор отдает предпочтение эгалитаризму. Какими мотивами он объяснял свой выбор? «Я полагаю, — пишет он, — наилучшей формой труда — труд отдельный, единоличный, самостоятельный»⁹⁰. Подобные утверждения обычны для эгалитарных утопий. К примеру, У. Годвин настаивал на ограничении, а по возможности на ликвидации всех форм совместного труда⁹¹. По его мнению, индивидуальный труд освобождает разум от вредных наносных влияний. Скидмор же руководствуется соображениями бережливости. Чтобы регулировать труд сообщества, верховной власти придется приложить немало усилий: выявить наклонности каждого человека, подобрать ему соответствующее занятие, надзирать за ходом работ и распределением. Подобная система, по убеждению Скидмора, чересчур хлопотна. Чем обширнее государство, тем больше она будет вызывать неудобств и ненужных затрат. Отдельному человеку виднее, как распорядиться своим трудом с большей выгодой для себя и общества. Рачительность Скидмора или годвиновское «раскрепощение разума» не просто апология индивидуализма, но и симптом страха мелкого хозяйчика перед утратой своей призрачной независимости. Могущество несметного, всевластного богатства ужасает не меньше, чем отсутствие собственности, которую можно было бы назвать своей и только своей. Торговцу, цепляющемуся за свою мелочную лавку, ремесленнику, дрожащему за свою крохотную мастерскую, фермеру, мечтающему о своем клочке земли, уравнивание собственности представляется «золотой серединой» между неограниченным неравенством и общностью имущества.

В эпоху Просвещения слово «собственность» связывалось прежде всего с землей. «Аграрный закон» превращался чуть ли не в

⁸⁶ Ibid., p. 61—62.

⁸⁷ См.: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977; Иоанисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в.; Каримский А. М. Указ. соч.

⁸⁸ Notions of the Americans: picked up by a Travelling Bachelor: Vol. 1—2. L., 1828, vol. 1, p. 226.

⁸⁹ См.: Согрин В. В. Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США. — В кн.: История социалистических учений. М., 1984.

⁹⁰ *Skidmore Th.* Op. cit., p. 80.

⁹¹ *Godwin W.* Enquiry Concerning Political Justice: Vol. 1—2. N. Y., 1928, vol. 2, p. 267.

символ эгалитаризма. Недруги Скидмора нередко обвиняли его в «аграрианизме». Видимо, здесь сказывалась инерция обычая, ибо уравнительная утопия Скидмора имеет немного общего с планами «черного передела».

Осуществление своего проекта Скидмор считает делом весьма неслезным и видит в этом одно из его главных достоинств. Преобразования свершатся в три этапа. В ближайшие месяцы, используя выборы в законодательные органы, население может заставить Ассамблею штата Нью-Йорк созвать конвент, коему поручит выработать новую конституцию. Конвент отменит все долги, как внутренние, так и внешние, секвестрирует собственность граждан других штатов и государств. При желании любой иностранец, проживший в Нью-Йорке пять лет, может получить права гражданина этого штата и принять наравне со всеми участие во «всеобщем равном разделе собственности»⁹².

Второй этап начинается с установления своеобразной экономической самоблокады: прерываются на некий срок все финансовые и деловые связи с внешним миром; по всей территории штата вводится запрет на продажу или передачу собственности. Выбрав благоприятную пору года, дабы ни плохая погода, ни земледельческие заботы не мешали великому начинанию, жители Нью-Йорка оставляют свои обычные, повседневные дела. Каждый честно и добросовестно составляет перечень своего движимого и недвижимого имущества, аккуратно раскладывает в своем жилище одежду, утварь, книги, запасы продуктов. В назначенный день по домам, конторам, мастерским рассылаются оценщики, избранные из числа наиболее порядочных граждан штата. Сверяясь с поименным списком жителей Нью-Йорка, они заносят всю предъявленную им собственность в специальный «Реестр», определяя, честно и по совести, стоимость каждой вещи. Опись имущества, по подсчетам Скидмора, займет около недели. Вычислив общую сумму собственности, которой располагают обитатели штата, нужно разделить ее на число граждан Нью-Йорка. Таким образом будут установлены размеры «дивиденда», т. е. стоимость собственности, причитающейся, согласно «естественному праву», каждому индивиду⁹³.

Наконец, наступает третий этап — «всеобщая распродажа». В специально отведенных помещениях выставляется для обозрения публики «Реестр собственности», в коем указаны все вещи и прочее имущество, которым располагает штат, и обозначена их цена. Человеку надо лишь удостоверить свою личность и назвать предметы, которые он желает приобрести. Остается только проверить, не превысила ли стоимость покупок суммы «дивиденда» и передать законному и равноправному владельцу то, что он приобрел. Если какая-нибудь вещь приглянется нескольким покупателям, то устраивается аукцион. Обладателем желанного предмета будет тот, кто предложит большую цену. За две-три недели вся собственность, как

движимая, так и недвижимая, будет перераспределена поровну между гражданами штата. Все возвращаются к прерванным занятиям. Но власть богатства над бедностью кончилась. Нет больше нищих, готовых ради куска хлеба запродать свои руки и душу имущим. Все равны, и каждый содержит себя собственным трудом⁹⁴.

Итак, разделу подлежит не только земля, но и машины, корабли, орудия труда, личные вещи и т. д. Скидмор делает исключение лишь для школьного имущества и наиболее ценных собраний книг. К просвещению он относится с огромным пиететом.

Достичь имущественного равенства нетрудно, сложнее сберечь его. Нужно не только срубить древо неравенства, но и выкорчевать его корни, чтобы они не пустили новые побеги. Прежде всего, полагает Скидмор, необходимо уничтожить право наследования. Иначе единственный ребенок получит больше, чем рожденные в многодетной семье, или же удачливый отец сможет передать своим отпрыскам более солидное имущество, чем незадачливые родители. Если не отменить права наследования, утверждает Скидмор, не избежать воскрешения неравенства⁹⁵. Он придумывает довольно сложный порядок, благодаря которому имущество покойного будет поступать в ведение штата, а затем передаваться лицам, достигшим совершеннолетия.

«План всеобщего раздела собственности», как именует свою программу Скидмор, покоится на классических основах эгалитаризма: уравнительном перераспределении собственности и ликвидации власти завещаний. Скидмор изобретает довольно своеобразную технику раздела, но в целом его проект — несколько видоизмененная копия эгалитаристских программ XVIII в. Тем не менее утопия Скидмора весьма самобытна, правда, обнаруживается это не в изложении плана, а в пояснениях к нему.

Имущественное равенство было главным принципом системы Скидмора. Доказав его правомерность, Скидмор бросает вызов не только устоям существующего строя, но и современному укладу жизни. Коса равенства должна пройти по стране, заявляет он⁹⁶. Все, даже мельчайшие выступы неравенства будут снесены. Вооружась великими, извечными «законами природы», Скидмор методично и кропотливо выискивает очаги несправедливости, подлежащие искоренению. Вряд ли он подозревал, что, обнаруживая источник социального зла, он тем самым обнаруживает источники собственной утопии, раскрывает конкретные проблемы человеческого бытия. Скидмор постоянно переходит к будничным горестям и заботам.

Редкий утопист не предрекал всемирного торжества своей системы. Каждый из них мнил себя первооткрывателем абсолютной истины, одинаково приемлемой во всех частях света. Ни Оуэн, ни Сен-Симон, ни Фурье не склонны были умалять свои заслуги перед

⁹² *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 138.

⁹³ *Ibid.*, p. 137.

⁹⁴ *Ibid.*

⁹⁵ *Ibid.*, p. 232—234.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 342.

человечеством. Хотя Скидмор более скромнен в оценке своей роли в мировой истории, он все же сознает ее величие.

«Если принципы прав на собственность, изложенные в этой работе, верны,— провозглашает он,— то они истинны для одной страны, равно как и для другой»⁹⁷. Скидмор не сомневается, что, прочтя его книгу, любая нация потребует введения системы равенства. Пройдет время, и она завоеует мир. В предвидении этого события Скидмор решает ряд сложных задач: как, например, поступить, если индус пожелает получить свою равную долю собственности во Франции. Он всесторонне обсуждает подобные казусы и включает в свой план пункт, регулирующий правила иммиграции для подданных стран, принявших его систему.

Подобные проблемы Скидмор решает впрок, поскольку чувствует, что всемирная победа принципов равенства — дело неблизкого будущего. Но американцам вовсе нет надобности ждать, пока просвещение пробудит другие народы. Они могут подать пример, установив первое на свете подлинно справедливое правление. Как только его сограждане поймут, насколько обнаруженные им принципы «важны для их счастья, они непременно потребуют воплотить их и не найдется силы, способной помешать этому», замечает Скидмор⁹⁸. Иные масштабы преобразований — иные проблемы. В частности, возможно ли ввести имущественное равенство на рабовладельческом Юге?

Скидмор считает это вполне осуществимым и возлагает надежды на свободное неимущее население южных штатов. «Белые бедняки непременно будут отстаивать свои права, едва лишь это сочинение проложит путь к их разуму», — утверждает он⁹⁹. Книга раскроет им глаза на нетерпимость положения, при котором один человек владеет несравненно большим числом домов, земельных угодий, рабов, чем другие. Итак, стало быть, южане могут провести раздел собственности, включив в нее и рабов? Скидмор допускает такой вариант раздела, но это не более чем временная уступка предрассудкам южан. Любая форма рабства противна его натуре, противоречит основным идеям его утопии. Белой бедноте, доказывает Скидмор, следует отрешиться от своих заблуждений, увидеть в негре своего собрата и не только освободить рабов, но и допустить их на равных к разделу собственности. В противном случае свобода ничего не даст неграм. Они либо попадут в новую кабалу, либо станут бунтовать, поскольку останутся без средств к существованию. Все бедствия Юга исчезнут, стоит лишь белым «убедить свой ум... не противиться такому простому и легкому способу уничтожения рабства и десятков тысяч сопутствующих ему зол»¹⁰⁰.

Участь чернокожих американцев не чета хлопотам вымышленного индуса. Ее не исправить умозрительными конструкциями. Скидмор предлагает радикальное средство: дать неграм свободу, равно-

правие и собственность. Смелость этого решения поразительна. Аболиционистского движения еще не существовало. Рабство осуждали, но наносили ему не удары, а скорее пощечины. Вряд ли можно назвать иным словом поступок Фанни Райт, выкупившей и переселившей на Гаити несколько десятков рабов. Конечно, Скидмор не настаивает, а скорее советует воспользоваться его способом. Но в этом совете просматривается здравая мысль: истребить рабство без остатка можно только ликвидировав существующий строй.

Скидмор неплохо разбирается в положении Юга и поэтому догадывается, что с дремучим невежеством и предрассудками южан сразу совладать не удастся. Иное дело северяне. Они уже в немалой степени испытали благотворное воздействие просвещения, прессы, книгопечатания. «Ясно,— заключает Скидмор,— что по крайней мере свободные штаты могут единодушно и одновременно принять рассматриваемую систему»¹⁰¹. Это позволило бы избежать множества неприятностей. Отпала бы необходимость конфисковывать собственность проживающих в Нью-Йорке граждан других штатов, дабы воспрепятствовать ее вывозу и сокрытию от «всеобщего раздела». Если же вопреки здравому смыслу система равенства не встретит единогласного одобрения, то ее могут ввести на худой конец два-три штата.

Даже если народ штата Нью-Йорк окажется в одиночестве, он может и должен позаботиться о своем благополучии, невзирая на поведение других штатов. Конечно, Нью-Йорк связан обязательствами с остальными членами конфедерации. Но, полагает Скидмор, это не помеха. «Излишне задаваться вопросом,— пишет он,— имеет ли народ каждого суверенного штата право полной юрисдикции в своих внутренних делах, в том числе законно ли его право пересмотра установлений о собственности»¹⁰².

Доктрина «суверенитета штатов», к которой апеллирует Скидмор, сложилась еще в годы революции¹⁰³. Она принадлежала к числу тех формул американской демократии, кои часто произносились, но редко употреблялись. Так, в 1832 г. Южная Каролина объявила недействительным в пределах своей территории федеральный таможенный тариф. Президент Джексон расценил столь широкое толкование «суверенитета штата» как подстрекательство к измене. Скидмору явно не по душе конфликт с другими штатами, пусть даже оправданный общепризнанной догмой. Только крайняя необходимость вынуждает его заявить, что ньюйоркцы «полномочны разорвать все связи с братскими штатами, если они будут препятствовать их внутренним мероприятиям»¹⁰⁴. Конфедерация — дело рук прошлого поколения, а согласно истине, установленной просветителями, каждое поколение вправе устраивать свою жизнь по собственному разумению. Однако угроза выхода из конфедерации, оправданная ссылками на Джефферсона, Пэйна и «суверени-

¹⁰¹ Ibid., p. 271.

¹⁰² Ibid., p. 321.

¹⁰³ См. подробнее: *Согрин В. В.* Идеиные течения..., с. 190—204.

¹⁰⁴ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 331.

⁹⁷ Ibid., p. 310.

⁹⁸ Ibid., p. 268.

⁹⁹ Ibid., p. 269.

¹⁰⁰ Ibid., p. 270.

тет», в работе Скидмора звучит скорее как настоятельное пожелание отнестись вдумчиво и серьезно к тем переменам, которые вскоре произойдут в Нью-Йорке, и извлечь из них урок.

Всемирный переворот сужается до границ штата Нью-Йорк. Но разве принципы, коим суждено править миром, не воспроизводились в показательных общинах оуэнистов, фалангах последователей Фурье? Эти миниатюрные царства справедливости должны были побудить человечество преобразить весь земной шар, сделав из него гигантскую копию «Новой Гармонии», «Икарин» или штата Нью-Йорк. Подобно тому как Оуэн до мельчайших деталей продумывал схему образцового «поселка единения», Скидмор обдумывает устройство образцового штата.

«Я предлагаю, — пишет он, — полностью изменить политическое устройство нашего штата, создав новое, в корне отличное от прежнего»¹⁰⁵. С его точки зрения, реформа конституции — событие важное, но не из ряда вон выходящее. Власть исходит от народа. Он вправе изменять систему правления по своему усмотрению. Скидмор не тратит времени на доказательство этого тезиса. В том не было необходимости. Задолго до него идея «суверенитета народа» была обоснована просветителями, «отцами революции»¹⁰⁶. Она прочно укоренилась в общественном мнении, став, по свидетельству А. Токвиля, нравственной заповедью¹⁰⁷. Однако даже самые высокие заповеди не всегда соблюдаются. Скидмор ощущает разницу между словом и делом, пытается сгладить ее.

Существующее законодательство избоблует несуразностями. К примеру, Ассамблея штата состоит из двух палат. Зачем, недоумевает Скидмор? «Две законодательные палаты, — замечает он, — каждая из которых обладает правом вето в отношении другой, являются собой поразительный феномен»¹⁰⁸. Это столь же нелепо, продолжает он, как, скажем, назначение в одну и ту же страну двух послов. Если они будут действовать вразнобой, их миссия провалится. Не лучше ли уничтожить сенат, ибо палата представителей с успехом справится с законодательными задачами и без него. Вероятно, изложенная Пэйном теория «чистой демократии», отдававшая предпочтение однопалатным легислатурам¹⁰⁹, не осталась незамеченной Скидмором. Но, пожалуй, для Скидмора, как и для многих рабочих, сенат был прежде всего органом имущего меньшинства, ненавистным воплощением олигархии.

Сенат не единственный и не главный порок существующей политической системы. Скидмору претит, когда именем народа прикрывают несправедливость. «Есть вечное и нерушимое право, — указывает он, — одно для всех: „все люди сотворены равными“ — и ни одно правительство... не властно, так сказать, пересотворять

людей»¹¹⁰. Но что происходит на самом деле? Равного права на собственность лишены все, более того, вопреки священным истинам «Декларации независимости» политическое неравенство все еще остается уделом огромного числа людей: негров, индейцев, женщин. Избирательное право должно быть предоставлено всем, кто до сих пор был лишен его, заключает Скидмор.

Наделение правом голоса женщин и цветного населения является прямым выводом из мировоззрения Скидмора. Равенству, искореженному оговорками, он противопоставляет безусловное, всеобъемлющее равенство. Незыблемость «естественных прав» служит точкой опоры его утопической системы. Допустить возможность ограничения этих прав значило бы поставить под сомнение и равное право на собственность. В то же время политическая программа Скидмора созвучна требованиям, выдвигавшимся рабочим движением. Так, в 1831 г. «Рабочая партия» Ньюкасл (штат Делавэр) высказалась за предоставление избирательных прав женщинам¹¹¹. Идея последовательного равноправия медленно, но необратимо утверждалась в сознании трудящихся. Если философия Просвещения была разумом утопии Скидмора, то помыслы и чаяния рабочих были ее душой.

В начале XIX в. в народных низах пробуждается удивительная по силе тяга к просвещению. В знаниях видели не столько путь к самосовершенствованию, сколько оружие. Невежественный человек — легкая добыча образованных проходимцев. Имущие классы умышленно ставят препоны просвещению рабочих, дабы наживаться на их темноте. И в США, и в Англии трудящиеся искренне верили, что, приобретя нужные познания, они добьются независимости от «просвещенных классов», т. е. своих хозяев. В 1820-е годы в Британии возникли многочисленные просветительные общества и кружки, почти все оуэнистские организации считали первоочередной задачей образование рабочих¹¹². Столь же высоко ценили знания и их американские товарищи. «Мы считаем, что после свободы и жизни образование является величайшим благом, дарованным человечеству», — говорилось в платформе «Партии трудящихся Нью-Йорка»¹¹³. Подобные резолюции принимали и другие рабочие партии США¹¹⁴.

Для Скидмора знание и незнание равнозначны добру и злу. Именно невежество, заблуждения препятствуют торжеству «естественных прав». Подобно философам XVIII в., Скидмор видит в просвещении путь к разумному, справедливому строю. Подобно своим товарищам по партии, он считает неграмотность источником неравенства и угнетения. С любой из этих точек зрения современная система образования никуда не годна.

¹¹⁰ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 158.

¹¹¹ *Фонер Ф. Указ. соч.*, с. 149.

¹¹² См.: *Андерсон К. М. «Земной рай»* доктора Уильяма Кинга. — В кн.: *История социалистических учений*. М., 1982.

¹¹³ *Simons A. M. Op. cit.*, p. 185.

¹¹⁴ См.: *Фонер Ф. Указ. соч.*, с. 143—167.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 5.

¹⁰⁶ См.: *Согрин В. В. Идеиные течения...*, с. 60; *Каримский А. М. Указ. соч.*, с. 228.

¹⁰⁷ *Tocqueville A. Op. cit.*, vol. 1, p. 65—66; *Chevalier M. Op. cit.*, vol. 2, p. 334.

¹⁰⁸ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 204.

¹⁰⁹ *Согрин В. В. Идеиные течения...*, с. 184.

Скидмор убежден, что бессмысленно устанавливать имущественное и политическое равенство, не подкрепив его равенством знаний. «Только в условиях равного имущественного положения, — доказывает он, — и равного интеллекта ни у кого не будет возможности накопить более значительное состояние, чем у других»¹¹⁵. Не родители, а общество возьмет на себя заботу и расходы, связанные с воспитанием и образованием детей. Все будут получать равные познания и навыки. Каждый юноша будет вступать в жизнь на равных условиях с остальными.

Хотя Скидмор и утверждает, что равенство должно соблюдаться во всем, он не пытается измерить равенство в рубашках, стульях или башмаках, причитающихся каждому индивиду. Ему чужды аскетизм и мелочная уравниловка утопий предшествующего века. Он ратует за свободное наслаждение всеми благами и радостями жизни. Но только добытыми честно и собственными усилиями. «Каждый человек, — уверяет Скидмор, — будет способен полностью использовать для собственного блага свои таланты, одаренность, знания, трудолюбие и бережливость»¹¹⁶. Равенство, по Скидмору, состоит не в высчитанных и пунктуально соблюдаемых всеми бытовых предписаниях, а в равных возможностях.

Но разве все смогут воспользоваться ими в одинаковой мере? Скидмор допускает, что кто-то неминуемо окажется искуснее, рачительнее или усерднее других. Различие в достатке будет, главное — не дать ему перерасти в злокачественное неравенство. Эта проблема волновала и утопистов XVIII в. Например, У. Годвин устанавливал принцип «распределение по потребностям», согласно которому право на вещь имел тот, кто в ней больше нуждался. Любой излишек, таким образом, мог изыматься: имущественное равенство оставалось бы непоколебленным. Скидмор тоже находит своеобразный предохранитель от чрезмерного обогащения — «честную конкуренцию».

В обществе, состоящем из людей, обладающих равными правами, знаниями и собственностью, конкуренция, по мнению Скидмора, играет в высшей степени положительную роль. Она стимулирует трудолюбие, способствует «производству товаров по самым низким ценам». Но главное — человек, знающий, что у него есть множество равных соперников по ремеслу, не сможет взвинчивать цены на свой товар и тем самым обогащаться за счет ближних¹¹⁷.

Принцип «честной конкуренции» потребует уничтожения некоторых явлений, узаконенных существующим строем. А именно, заявляет Скидмор, «будет правильно и верно отменить все привилегии и хартии любого рода, предав их могиле, из которой им не будет воскрешения»¹¹⁸. Предположим, объясняет он, что портной, получив за свою работу справедливую плату, подстерегает клиента и,

угрожая пистолетом, требует надбавки¹¹⁹. Разве его не обвинят в грабеже? А между тем, замечает Скидмор, компании, обладающие коммерческими привилегиями, ведут себя точно так же. При помощи хартий они вынуждают платить за товар или услуги больше, чем позволяет равная конкуренция¹²⁰. По убеждению Скидмора, наиболее омерзительным вымогательством занимаются банки. «Они извлекают прибыль из того, что в действительности не является деньгами», — утверждает он¹²¹. Выпуская в обращение обязательства, не обеспеченные драгоценными металлами, банки попросту надувают народ. Они не только грабят его, но порождают политическую коррупцию. «Ради достижения своих целей, — пишет Скидмор, — они ухищряются целиком или отчасти завладеть верховной властью, и в этом им споспешествуют законодатели, почти всегда подкупленные ими»¹²². Ему кажется очевидным, что банки не более чем хитроумные орудия наживы, изобретенные мошенниками. Ведь было же время, напоминает он, когда банков не существовало, однако жизнедеятельность людей от этого не страдала¹²³.

Итак, монополии подлежат отмене, ибо они несовместимы с принципом «честной конкуренции», регулирующим равенство. Почти философский принцип обнаружен Скидмором не умогнительно. Хартии следует уничтожить, потому что они навредят в будущем, но главным образом — поскольку они уже причинили достаточно вреда. Доходы банков — это прямые убытки народа. Взвинченные цены, обесценивающиеся бумажки, именуемые «банкнотами», подкупленные законодатели, ложные банкротства — за одни только эти преступления монополии заслуживают истребления.

Когда Скидмор говорит о монополиях и банках, его слог утрачивает всякую степень пышности. Каждое слово пышет ненавистью. Банки, эти провозвестники промышленного капитализма, пользовались дурной славой у современников Скидмора. К их уничтожению призывали почти все «рабочие партии», в том числе и «Партия трудящихся Нью-Йорка»¹²⁴. «Банки образуют монополию, враждебную равным правам американских торговцев, промышленников, мастеровых и рабочих», — гласила ее резолюция, принятая в декабре 1829 г.¹²⁵ Отмена президентом Джексоном полномочий Банка США стала одной из самых драматичных страниц в истории этой страны. По мнению ряда исследователей, поддержка народных масс, позиция «рабочих партий» позволили Джексону осуществить это мероприятие¹²⁶.

Провозглашенный Скидмором принцип «честной конкуренции», по сути дела, иное обличье лозунгов рабочего движения. Мечты Скидмора о справедливом строе будущего накрепко привязаны к дню

¹¹⁵ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 153.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 152.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 147.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 151.

¹¹⁹ *Ibid.*, p. 180.

¹²⁰ *Ibid.*, p. 160.

¹²¹ *Ibid.*, p. 181.

¹²² *Ibid.*, p. 166.

¹²³ *Ibid.*, p. 185.

¹²⁴ *Simons A. M. Op. cit.*, p. 184.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 185.

¹²⁶ *Ефимов А. В. Указ. соч.*, с. 257.

сегодняшнему. Он презит о всемирном перевороте, но занимается бедами Нью-Йорка, жителям которого уже сейчас нужны равноправие, реформа образования, отмена банков. Действительность об- уздывает фантазию. Ему по душе труд раздельный, но как прими- рить его с машинным производством?

В утопиях XVIII в. проповедь аскетизма соседствовала с осуж- дением мануфактур. Скидмор тоже усматривает в фабриках один из источников социальных бедствий. Однако он не считает паровой дви- гатель и станки губительными новшествами. Дело не в технике, по- лагает Скидмор, а в том, что выгоду от нее получают не рабочие, а хозяева, владеющие машинами. Но как только труженики станут собственниками фабрик, они «будут видеть в них не проклятие, а благословение»¹²⁷. Вывод Скидмора ясен: технический прогресс оборачивается против народа лишь по милости несправедливого об- щественного строя.

Видимо, не случайно имя Оуэна упоминается в книге Скидмора именно на тех страницах, где речь идет о машинном производстве. Вероятно, знакомство с работами Оуэна не прошло для Скидмора бесследно. Он отвергает общность имущества, проповедуемую оуэнистами, но соглашается с их представлением о роли машин. Конечно, было бы ошибкой утверждать, будто, прочтя сочинения Оуэна, Скидмор прозрел. Оуэнизм лишь помог ему объяснить то, что он видел собственными глазами: машинное производство приоб- ретало такие размеры, когда о его ликвидации нечего было и ду- мать. Но обратить его на благо всего общества необходимо. Ради этого Скидмору приходится поступиться своими взглядами и при- знать неизбежность совместного труда. Фабрики, мастерские, кораб- ли и т. д. могут стать коллективной собственностью тех, кто на них работает¹²⁸. И хотя Скидмор строго регламентирует и даже ограничивает деятельность производственных ассоциаций, тем не менее отступление от канонов эгалитаризма очевидно. Признав по- тенциальную пользу машинного производства, он узаконивает сов- местный труд и как следствие совместное владение собственностью. Индивидуализм, аскетический дух уравнилельных утопий отступали под натиском промышленного переворота.

Хотя, как мы говорили, экономика мало интересует Скидмора, он не может избежать связанных с ней проблем. Он пылко отстаивает «честную конкуренцию», но столь же рьяно обрушивается на «свободу торговли» между странами. Он считает ее настолько вред- ной, что даже предлагает уничтожить торговый флот¹²⁹. Свою на первый взгляд непоследовательность Скидмор объясняет смыслом «общественного договора». Если люди делят поровну общую соб- ственность, замечает он, то тем самым они соглашаются на разделение труда. Один берется изготавливать шляпы при условии, что кто-то другой будет тачать сапоги, а третий — печь хлеб и т. д. В про- тивном случае каждому пришлось бы обеспечивать себя всем необ-

ходимым, а это чревато бессмысленными затратами. «В том и со- стоит соглашение, — пишет Скидмор, — которое требует, чтобы каждый использовал свои способности и возможности ради блага остальных»¹³⁰. Поэтому человек, отказывающийся покупать вещи, сработанные его согражданами, и предпочитающий иностранные товары, попирает «социальный контракт».

В вопросе о международной торговле Скидмор и Оуэн стоят на противоположных позициях. Оуэн утверждал, что беспрепятствен- ный обмен товарами идет на пользу всем нациям¹³¹. Скидмор, на- против, считает, что свобода торговли выгодна далеко не всем на- родам. Страны, располагающие более благоприятными условиями и ресурсами, могут заполнить рынки других государств крайне деше- выми товарами и тем самым нанести непоправимый ущерб их про- мышленности.

Расхождения во взглядах на «свободу торговли» между Оуэном и Скидмором обусловлены не тем, что первый отстаивал утопиче- ский коммунизм, а второй — эгалитаризм. В данном случае роль сыграла национальная принадлежность. Англичанину Оуэну, родина которого была наиболее промышленно развитой страной, ограниче- ния торговли казались нелепостью, способной разве что вызвать за- стой в производстве. Именно экономическое могущество Англии пу- гало Скидмора и его соотечественников. Британия была неравным соперником для неокрепшей промышленности США. Протекциониз- ма требовала буржуазия северных штатов. Только в 1816—1817 гг. в конгресс США было подано 40 меморандумов в защиту протек- ционистских тарифов¹³². Запретительные пошлины поддерживали и рабочие Севера, поскольку они сулили им большую занятость. Скидмор тоже считает, что деньги, уплывающие в Британию, сле- довало бы вложить в собственную промышленность и тем самым дать работу многим американцам. При новом, справедливом строе будет иметь силу закона правило, включенное им в план: «промы- слы и занятия граждан должны быть гарантированы от иностранной конкуренции, в противном случае государство должно возмещать ущерб»¹³³.

Итак, «свобода торговли» противоречит «общественному догово- ру», поскольку она противоречит интересам американских трудящих- ся. Архаичный язык Просвещения и живой язык борьбы рабочих образуют лексику книги Скидмора. Объяснив, почему труженики желают протекционизма, ликвидации банков и пр., он доказывает совпадение их желаний с великими «естественными принципами». Идеи просветителей и опыт рабочего движения легли в основу пред- ложенного Скидмором способа осуществления социальных преобра- зований.

Подобно просветителям, Скидмор уповаает на силу истины и ра- зума. Пока люди не знают, в чем заключаются их «естественные

¹²⁷ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 384.

¹²⁸ *Ibid.*, p. 151.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 277, 282.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 154.

¹³¹ *Оуэн Р.* Избранные сочинения: В 2-х т. М., 1950, т. 1, с. 353.

¹³² *Coman K.* Industrial History of USA. N. Y., 1910, p. 170.

¹³³ *Skidmore Th. Op. cit.*, p. 144.

права», они не стремятся к обладанию ими. Общественное мнение задавлено ошибочными представлениями¹³⁴. Несчастья, нищету, лишения приписывают невезению, злой судьбе. Однако образование и книгопечатание подготовили людей к восприятию истины. В печатном станке, размножившем его сочинение, Скидмору видится орудие переворота. «Как только человечество поймет, что права одного индивида на собственность равны правам другого, я ручаюсь — нынешнее состояние вещей не продержится и часа», — уверенно провозглашает Скидмор¹³⁵.

Однако его уверенность отчасти напускная. Скидмор полностью отдает себе отчет в том, что богатые вряд ли с восторгом встретят реформу. «Хотя они, быть может, и вынуждены будут узреть несправедливость законов, на основании которых они владеют собственностью, — признает он, — все же многие из них будут противиться силе этого убеждения, проникшего в их разум»¹³⁶. Но, продолжает Скидмор, народ штата имеет в своих руках средство совершить задуманные мероприятия вопреки воле имущих. «В нашем штате, — указывает он, — почти все совершеннолетние обладают правом голоса. Как только они научатся пользоваться им, они сумеют наделить себя единственным правом, которого до сих пор не имели, — правом на собственность»¹³⁷. Конечно, кое-кто из богачей попытается скрыть собственность или вывезти имущество в другие штаты. Однако, по мнению Скидмора, «каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок будут стремиться пресечь все попытки бесчестных сделок или утаивания собственности, дабы сурово покарать злоумышленников»¹³⁸.

Мысль о том, что избирательное право можно использовать в интересах рабочих, давно не была досужей догадкой. Еще до появления книги Скидмора она обрела вполне зримое воплощение в «рабочих партиях» США. Да и сам Скидмор, как мы уже говорили, писал свое произведение, полагая, что в ноябре 1829 г. урны для голосования станут рычагом, посредством которого народ Нью-Йорка опрокинет существующий строй.

В сравнении с блистательными, дерзновенными учениями великих социалистов-утопистов начала XIX в. система Скидмора выглядит прозаичной и будничной. Он не ошеломляет новизной мысли, не пробивает дорогу в неизведанное. Контуры его плана вычерчены резолюциями тред-юнионов, платформами «рабочих партий». Философия Просвещения позволила Скидмору преобразовать эти наброски в цельную утопическую теорию. Видимо, рабочее движение США конца 1820-х годов крайне нуждалось в обосновании целей и средств борьбы. Сражение наощупь, вслепую грозило поражением. Вера в свою правоту не могла заменить знаний. Не случайно имен-

но в те годы социальные утопии стали заметным явлением в общественной мысли США.

Один американский историк весьма метко назвал программы «рабочих партий» «новой Декларацией независимости»¹³⁹. Казалось бы, Скидмор, отстаивавший ее принципы, должен был обрести немало сторонников. Однако его план особого успеха не имел. Отношения Скидмора с товарищами по партии обострились настолько, что он и его немногочисленные последователи вышли из этой организации. Мы не беремся судить, что послужило причиной раскола — личные распри, интриги буржуазных партий или чрезмерный радикализм Скидмора¹⁴⁰. Парадоксальная судьба книги Скидмора требует отдельного исследования. Но все же мы вправе предположить, что разногласия Скидмора с Ф. Райт и Р. Д. Оуэном свидетельствуют о сложности и противоречивости процесса становления рабочего движения и его теории. Не размеренное и плавное углубление знаний, а борьба, поиски, сочетание ранее несовместимых идей, уступки чужому мнению, отчетливые проявления запросов эпохи — таким был ход развития как социалистической, так и эгалитарной утопии.

Сами утопические системы несут на себе отпечаток пережитий этого процесса. Так, в утопии Скидмора неразрывно сплелись запросы современного рабочего движения и философия, унаследованная от просветителей. Нетрудно определить принадлежность произведения Скидмора к уравнительным проектам, а при желании можно даже изобразить его автора «горячим сторонником превращения рабочих в земельных собственников»¹⁴¹. Но не будет ли это чрезмерным упрощением? Несомненно, Скидмор — преемник эгалитаристских традиций Просвещения и американской революции. Но все же эти традиции исподволь рушатся. Утопия Скидмора уже избавлена от бремени аскетизма и примитивного понимания равенства. Он начинает ощущать узость рамок «естественноправовой» теории. Она не объясняет новых явлений в экономике. И Скидмор обращается за разъяснениями к оуэнизму. Он признает неизбежность совместного труда и коллективной собственности. Конечно, это едва различимые, новые черты в эгалитаристской, просветительской утопии Скидмора, но в них просматриваются отсветы иного учения — утопического социализма.

В сочетании отживающего и нарождающегося, в почти фотографическом отражении современных проблем — своеобразие сочинения Скидмора. Его вряд ли можно назвать выдающимся произведением, но оно достойно внимания как одна из вех на трудном, извилистом пути постижения законов социальной справедливости.

¹³⁴ Ibid., p. 299.

¹³⁵ Ibid., p. 316.

¹³⁶ Ibid., p. 299.

¹³⁷ Ibid., p. 316.

¹³⁸ Ibid., p. 344.

¹³⁹ Simons A. M. Op. cit., p. 186.

¹⁴⁰ Ефимов А. В. Указ. соч., с. 233.

¹⁴¹ Там же; Фонер Ф. Указ. соч., с. 154.